

На правах рукописи

Нечаев Алексей Дмитриевич

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Научный руководитель **Лопашенко Наталья Александровна**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Коробеев Александр Иванович**
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
ФГАОУ ВО «Дальневосточный
федеральный университет»,
заведующий кафедрой

Чемеринский Константин Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент,
Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», доцент

Ведущая организация Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «**Национальный
исследовательский университет
"Высшая школа экономики"**»
(факультет права)

Защита состоится 04 октября 2017 года в 12:00 на заседании диссертационного совета Д 212.239.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (http://test.ssla.ru/diss_d.phtml).

Автореферат разослан «__» июля 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кобзева Елена Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Выработка стратегии и тактики борьбы с преступностью является одним из ключевых направлений деятельности демократического, правового и социального государства. Общеизвестно, что современная российская уголовная политика находится в состоянии кризиса. Оказание содействия его преодолению является, на наш взгляд, первостепенной задачей, стоящей перед научным сообществом сегодня. Уголовно-политическая тематика большинства проводимых в последние годы научных мероприятий обусловлена не только и не столько субъективным желанием ученых и практиков обсудить модную проблему, а объективно существующей потребностью ее скорейшего разрешения. Органы государственной власти, включая Совет Федерации Федерального Собрания РФ и Верховный Суд РФ, а также институты гражданского общества (например, Общественная палата РФ, Центр стратегических разработок), выражают заинтересованность и решительность в разработке целостной и непротиворечивой концепции уголовно-правовой политики и даже предпринимают к этому определенные шаги, но единой и общепризнанной государственной концепции до сих пор не выработано.

Одной из системных проблем уголовной политики остается непоследовательность и противоречивость применения уголовно-политических методов (де)криминализации. За 20-летний период действия УК РФ принято 198 законов, вносящих в него изменения, и в большинстве из них свое отражение находит результат применения законодателем названных методов. Протекание процессов (де)криминализации непредсказуемо даже для специалистов. Так, побои, частично декриминализованные в 2016 г., стали предметом обсуждения в 2017 г., что привело к декриминализации побоев «в семье», хотя их общественная опасность за полгода настолько измениться не могла.

По нашему мнению, можно выделить ряд факторов, усугубляющих кризис уголовной политики в области (де)криминализации деяний.

Во-первых, неверная оценка законодателем общественной опасности запрещаемых под угрозой наказания деяний. С каждым годом преступными объявляется все больше деяний, криминальный уровень общественной опасности которых неочевиден. Например, отмеченная в 2009 г. Президентом РФ необходимость более широкого использования административной преюдиции воспринята слишком буквально. В девяти статьях уголовного закона сформулированы уголовно-правовые запреты с административной преюдицией. Однако повторное совершение административного правонарушения, как отметил Конституционный Суд РФ по делу И.И. Дадина, само по себе не повышает общественную опасность деяния. В ст. 116¹ и 151¹ УК РФ наиболее строгое основное наказание (из возможных для назначения) – исправительные работы, что свидетельствует об оценке общественной опасности предусмотренных ими деяний как невысокой в процессе осуществления пенализации. За 2015 и 2016 гг. не осуждено ни одно лицо по ст. 212¹, 215⁴, 284¹ УК РФ, санкции которых предусматривают лишение свободы. Реально применяется ст. 264¹ УК РФ (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию – в 2015 г. осуждено 18 987 лиц, а за 2016 г. – 75 282) и ч. 2 ст. 314¹ (неоднократное несоблюдение установленных судом ограничений по административному надзору – в 2015 г. осуждено 965 лиц, а за 2016 г. – 2 598). Хотя в этих двух случаях речь, скорее, стоит вести о необходимости криминализации и первичного совершения деяний (с учетом создаваемой ими угрозы причинения вреда и их динамики).

Во-вторых, уголовная репрессия все чаще становится для законодателя первым средством разрешения социальных конфликтов и противоречий. С одной стороны, не учитываются реальные возможности системы уголовной юстиции. Так, в 2014 г. в результате изменения ст. 171² УК РФ незаконная организация и проведение азартных игр стали преступными безотносительно к размеру извлеченного дохода. Если в 2014 г. по ст. 14.1¹ КоАП РФ привлечено 13 577 лиц, то в 2015 г. административному наказанию

подвергнуто 2 184 лица (-84 %), а к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 171² УК РФ) привлечено лишь 244 лица. С другой стороны, вне поля зрения законодателя остается регулятивный и охранительный потенциал иных отраслей российского права. Например, за совершение криминализованной в 2014 г. реабилитации нацизма (ст. 354¹ УК РФ) в 2015 г. к уголовной ответственности привлечено 4 лица с назначением наказания в виде штрафа (1 лицо) и обязательных работ (3 лица). КоАП РФ вполне мог бы справиться с этой задачей.

Наконец, в-третьих, на кризис уголовной политики в области (де)криминализации деяний существенно влияет состояние разработанности их концептуальных основ, что проявляется в ряде аспектов:

- отсутствует единообразное понимание сущности данных методов, когда любое включение (исключение) статьи или уголовно-правовой нормы рассматривается как результат (де)криминализации деяний;

- не выработана целостная и непротиворечивая классификация и типология (де)криминализации деяний, которая позволяла бы ориентироваться в любом предложении об изменении уголовного закона, понимать предназначение такого изменения;

- существенно отличаются взгляды исследователей на основания и иные детерминанты (де)криминализации;

- противоречивы позиции в вопросах о том, какие принципы и в какой последовательности (теоретическая модель) должны соблюдаться в процессе осуществления (де)криминализации.

Названные факторы приводят к тому, что уголовное право «обесценивается», а уголовный закон становится «дубинкой», посредством применения которой пытаются регулировать позитивные общественные отношения. В то же время неверная оценка законодателем общественной опасности, использование им уголовного права в качестве первого средства – результат вакуума в области концептуальных основ, отсутствия стройной модели процесса (де)криминализации. В связи с вышеизложенным тема

диссертационного исследования представляется актуальной и обусловленной современным состоянием теории уголовной политики и практики ее осуществления.

Степень разработанности темы исследования. Фундамент для разработки проблем (де)криминализации заложен отечественными (М.Н. Гернет, С.К. Гогель, В.В. Есипов, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, М.П. Чубинский) и зарубежными (Ч. Беккариа, Ф. Лист, А. Принс, Э. Ферри) учеными. В 1920 - 30 гг. ощутимый вклад внесен работами Г.И. Волкова, Н.В. Крыленко, Н.А. Скрыпника, А.Я. Эстрина и др. Благодаря трудам А.А. Герцензона и Г.М. Миньковского уголовно-политическая проблематика актуализировалась в 1970-е гг.

Своему широкому применению категории «криминализация» и «декриминализация» обязаны монографиям «Основные направления борьбы с преступностью» (Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, при участии И.М. Гальперина, П.С. Дагеля, В.И. Курляндского) и «Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация» (Институт государства и права АН СССР, коллектив под руководством В.Н. Кудрявцева и А.М. Яковлева).

В советский период разработкой обозначенных проблем занимались Н.А. Беляев, Ю.В. Голик, Н.И. Загородников, Г.А. Злобин, И.А. Исмаилов, Г. Кайзер, С.Г. Келина, А.И. Коробеев, Ю.И. Ляпунов, П.Н. Панченко, М.Г. Угрехелидзе, А.В. Усс, П.А. Фефелов и др. Одновременно исследовалась социальная (П.Ф. Гришанин, Г.А. Кригер, Н.Ф. Кузнецова, П.С. Тоболкин) и криминологическая (В.Д. Филимонов) обусловленность уголовно-правовых норм, что способствовало приращению научного знания в области установления уголовно-правовых запретов.

Вклад в развитие основ уголовной политики и теории (де)криминализации деяний внесен трудами А.И. Александрова, Л.И. Беляевой, А.И. Бойко, С.С. Босколова, Ю.И. Бытко, Б.Я. Гаврилова,

Н.Г. Иванова, А.И. Коробеева, Г.Ю. Лесникова, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеева, А.В. Наумова, Ю.Е. Пермьякова, Л.М. Прозументова, С.Г. Чаадаева, а также диссертациями А.Д. Антонова, И.В. Лозинского, А.М. Николаева, Н.В. Радошной и др.

Указанная проблематика поднимается в работах М.М. Бабаева, С.А. Борсученко, А.В. Елинского, Д.А. Зыкова, А.Н. Игнатова, О.А. Исаевой, Я. Койстинена, Ю.А. Митюковой, В.А. Номоконова, В.С. Овчинского, П.Н. Панченко, Т.А. Плаксиной, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, Б.Т. Разгильдиева, В.Ф. Цепелева, К.В. Чемеринского, А.В. Шеслера и др.

Конкретные уголовно-правовые запреты рассматриваются в исследованиях П.В. Агапова, А.Г. Блинова, М.Т. Гигенейшвили, А.В. Голиковой, Р.О. Долотова, Р.В. Жубрина, О.А. Ивановой, О.С. Капинус, О.Н. Крапивиной, М.М. Лапунина, Е.В. Львович, С.Ю. Мелихова, А.С. Мирончик, Р.Б. Осокина, В.И. Плоховой, А.Г. Хлебущкина, К.М. Хутова, С.В. Чернокозинской и др.

(Де)криминализации деяний уделяется внимание в работах по смежным проблемам: дифференциация уголовной ответственности (Г.В. Верина), основания уголовно-правовой охраны и ее прекращения (В.Е. Бондаренко), оценочные признаки в уголовном праве (Е.В. Кобзева), общественная опасность преступления (И.А. Солодков).

Импульс в развитии учения о (де)криминализации задан разработкой теории уголовно-правового запрета (С.А. Маркунцов).

Несмотря на наличие столь массивного пласта работ, сложившиеся подходы к понятию, классификации и типологии, основаниям и иным детерминантам, системе принципов и модели (де)криминализации деяний, образующим в совокупности их концептуальные основы, нередко противоречивы как между собой, так и внутри себя. Это требует углубления комплексных исследований (де)криминализации деяний, определения их концептуальных основ, построения теоретической модели их осуществления.

Цель исследования состоит в том, чтобы разработать концептуальные основы реализации уголовно-политических методов криминализации и декриминализации, в том числе теоретическую модель их осуществления. Цель исследования предопределила постановку и решение ряда **задач**:

- определить понятия криминализации и декриминализации деяний на основе анализа представленных в научной и учебной литературе, судебной практике концепций и подходов к их пониманию (с учетом соотношения с другими уголовно-политическими методами и с изменением границ преступного и не преступного);

- провести классификацию и типологию (де)криминализации деяний, проиллюстрировав их на примерах отечественного законодательства;

- проанализировать парадигмы и подходы к основаниям и иным детерминантам (де)криминализации деяний;

- проследить генезис взглядов на принципы и модели (де)криминализации деяний и разработать авторскую теоретическую модель (де)криминализации деяний;

- выявить значение общественной опасности деяния и критериев ее установления в процессе (де)криминализации деяний;

- показать значение инструментальных способностей уголовного права и системы уголовной юстиции в процессе (де)криминализации деяний;

- обосновать необходимость сопоставления в процессе (де)криминализации деяний затратности уголовно-правового запрета и альтернативных способов регулирования и охраны.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе и в связи с (де)криминализацией деяний.

Предмет исследования охватывает теоретические воззрения на (де)криминализацию; состояние современной уголовной политики России; нормы УК РФ, подвергавшиеся изменению в 1997 - 2016 гг.; материалы судебной практики Конституционного Суда и Верховного Суда РФ; данные

официальной статистики; результаты проведенного социологического опроса; научно-практические разработки по вопросам уголовной политики («Концепция правовой политики в Российской Федерации до 2020 года», «Концепция уголовно-правовой политики», «Уголовная политика: дорожная карта (2017 - 2025 гг.)» и др.).

Нормативная база диссертационного исследования включает Конституцию РФ, УК РФ, КоАП РФ, законы, которыми вносились изменения в УК РФ и КоАП РФ, законодательные и подзаконные акты иной отраслевой принадлежности (в части изменения границ преступного и не преступного).

Теоретическую основу диссертационного исследования образует система взглядов и воззрений на понятие, значение, виды, детерминанты, принципы и модели (де)криминализации деяний. Изучены труды дореволюционных (Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, М.П. Чубинский и др.), советских (Н.А. Беляев, И.М. Гальперин, П.С. Дагель, Н.И. Загородников, С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев, Ю.И. Ляпунов, П.А. Фефелов, А.М. Яковлев и др.) и современных (А.Д. Антонов, М.М. Бабаев, Н.Г. Иванов, А.Н. Игнатов, А.И. Коробеев, Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкин, В.Д. Филимонов, В.Ф. Цепелев, К.В. Чемеринский и др.) ученых.

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает в себя результаты изучения и обобщения 126 решений Конституционного Суда РФ и 99 судебных актов Верховного Суда РФ, а также результаты анкетирования 295 респондентов, из которых 108 кандидатов наук и 20 докторов наук. Анкетирование проводилось с 20 декабря 2016 г. по 31 января 2017 г.

Методологическую основу работы составляют всеобщие (философские), общенаучные, частнонаучные и междисциплинарные методы познания. В качестве всеобщих применяются диалектический метод (обеспечивает объективность, всесторонность, конкретность, историзм, детерминизм) и метод феноменологии и герменевтики (в аспекте понимания и

толкования изменений с целью определения вида и типа (де)криминализации). Используются общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, сравнение, системный), частнонаучные (формально-юридический и нормативно-юридический, теоретическое правовое моделирование) и междисциплинарные методы (исторический, статистический, социологический, контент-анализ).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем разработаны концептуальные положения, определяющие понятие, виды и типы, основание и иные детерминанты (де)криминализации деяний, и на их основе предложена двухэтапная теоретическая модель, упорядочивающая систему принципов (де)криминализации и имеющая прикладное значение для совершенствования механизма уголовно-правового воздействия на общественно опасные формы поведения.

Свое концентрированное выражение научная новизна диссертационного исследования находит в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Концептуальные основы (де)криминализации деяний – это система связанных между собой и вытекающих одно из другого положений, определяющих понятие, виды и типы, основание и иные детерминанты, систему принципов и теоретическую модель (де)криминализации деяний.

2. Концептуальные положения, определяющие понятие (де)криминализации деяний.

2.1. Границы преступного и непроступного могут изменяться не только посредством (де)криминализации, но и путем изменения регулятивного и охранительного неуголовного законодательства. Уголовно-политические методы (де)криминализации являются специальными по отношению к общеправовому методу дифференциации правового регулирования и юридической ответственности.

2.2. Введение (исключение) статьи или ее части, нормы Особенной части УК РФ может быть результатом не только (де)криминализации, но и дифференциации уголовной ответственности, и (де)пенализации.

2.3. Уголовно-правовой запрет как основное уголовно-правовое предписание, устанавливающее обязанность лица не совершать общественно опасное деяние, закрепляется исключительно в нормах уголовного закона. В ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 10 УК РФ предложено заменить «преступность деяния» на «запрещенность деяния под угрозой наказания».

2.4. Под (де)криминализацией деяния следует понимать процесс и результат установления (устранения) уголовно-правового запрета.

3. Концептуальные положения, определяющие виды и типы (де)криминализации деяний.

3.1. По восьми классификационным признакам выделены виды (де)криминализации: 1) общая и специальная (де)криминализация; 2) первичная и вторичная криминализация, полная и частичная декриминализация; 3) (де)криминализация по признакам объекта, объективной стороны, субъективной стороны и субъекта; 4) кодификационная и межкодификационная (де)криминализация; 5) обратимая и необратимая (де)криминализация; 6) реститутивная и нереститутивная (де)криминализация; 7) генеральная, групповая и частная (де)криминализация; 8) чрезмерная, оптимальная и недостаточная (де)криминализация. Установлены функциональные связи между обозначенными видами (де)криминализации.

3.2. В зависимости от специфики законодательных приемов выделено шесть типов (де)криминализации: дифференцирующая криминализация, унифицирующая декриминализация, рекриминализация, смешанная, преюдиционная и примечательная (де)криминализация.

4. Концептуальные положения, определяющие основания и иные детерминанты (де)криминализации деяний.

4.1. Детерминанты (де)криминализации включают в себя поводы, основание и факторы (причины и условия). Основание (де)криминализации является главной детерминантой (де)криминализации.

4.2. Основание криминализации следует рассматривать как наличие совокупности достаточного уровня общественной опасности деяния, в отношении которого предлагается установить уголовно-правовой запрет, и адекватности уголовно-правового запрета существующей системе общественных отношений, а основание декриминализации – как отсутствие достаточного уровня общественной опасности деяния, в отношении которого установлен уголовно-правовой запрет, или неадекватность уголовно-правового запрета существующей системе общественных отношений.

5. Концептуальные положения, определяющие теоретическую модель и принципы (де)криминализации деяний.

5.1. Теоретическое моделирование (де)криминализации деяний – это метод познания (де)криминализации деяния, основанный на их изучении путем построения соответствующей модели. Положения разработанной теоретической модели являются элементом концептуальных основ.

5.2. Теоретическая модель (де)криминализации содержит два этапа: этап определения необходимости в уголовно-правовом запрете (дейнджеризация деяния, т.е. процесс и результат признания общественной опасности деяния) и этап определения его достаточности (адекватизация запрета, т.е. процесс и результат признания уголовно-правового запрета в отношении такого деяния адекватным существующей системе общественных отношений).

5.3. На этапе дейнджеризации деяния в качестве принципа (де)криминализации следует рассматривать принцип криминального уровня общественной опасности деяния, а на этапе адекватизации запрета – принцип осуществимости уголовно-правового воздействия, принцип процедурной и процессуальной осуществимости, принцип соразмерности последствий криминализации и альтернативных средств регулирования и охраны.

6. Положения о моделировании этапа дейнджеризации деяния.

6.1. Дейнджеризация деяния включает шесть стадий: формулирование заданного типа поведения; формулирование многообразных поведенческих связей с указанием на возможный вред от практики заданного типа поведения;

определение общественных отношений, которым может быть причинен вред практикой заданного типа поведения; анализ механизмов развития поведенческой связи в направлении причинения вреда соответствующим общественным отношениям; определение распространенности заданного типа поведения; определение уровня общественной опасности деяния.

6.2. Критериями общественной опасности при дейнджеризации деяния являются вредоносность и распространенность деяния. Для определения вредоносности учитываются социальные последствия деяния, объект посягательства и поведенческие связи между ними. Социальные последствия деяния не сводимы, с одной стороны, к социальным последствиям преступности, а, с другой стороны, к преступному вреду, учитываемому в составе преступления в качестве криминообразующего признака. То, что деяние носит не единичный, не случайный характер, образует его распространенность.

7. Положения о моделировании этапа адекватизации запрета.

7.1. Адекватизация запрета охватывает три стадии: определение инструментальной способности уголовного права и системы уголовной юстиции противодействовать причинению вреда посредством запрещения заданного типа поведения; проверка инструментальной способности альтернативных средств предотвращать вред; оценка социальной затратности уголовно-правовых и альтернативных средств.

7.2. При исследовании запрета на предмет инструментальной способности уголовного права требуется проведение анализа его правоограничительной, правоограничительно-запугивающей и правоограничительно-устрашающей способности.

7.3. Система уголовной юстиции сможет обеспечить противодействие заданному типу поведения тогда, когда используемые ею средства позволяют идентифицировать заданный тип поведения; определить, задержать и (или) подвергнуть иным мерам процессуального принуждения практиковавшее его лицо; собрать, проверить и оценить доказательства; расследовать и

рассмотреть дело в отношении каждого, практиковавшего заданный тип поведения; и наконец, исполнить наказание и иные меры уголовно-правового характера.

7.4. Альтернативные средства предотвращения вреда имеют три варианта вмешательства: *охранительный* (за счет установления административно-правовых, гражданско-правовых и дисциплинарных запретов), *регулятивный* (за счет изменений позитивного законодательства, приводящих к разрушению необходимых предпосылок или снижению позитивных мотивов заданного типа поведения), *контрольный* (за счет создания различных контрольных механизмов, приводящих к разрыву поведенческих связей).

7.5. Уголовное право должно рассматриваться как последнее средство, но наличие альтернативы не всегда свидетельствует о необходимости отказа от криминализации или осуществления декриминализации. Установление уголовно-правового запрета будет адекватным, а криминализация будет иметь достаточное основание тогда и только тогда, когда потенциально возможные альтернативные средства предупреждения вреда несут более значимые социальные издержки, чем криминализация.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что, во-первых, в нем обобщается и систематизируется накопленный теоретический и эмпирический материал в области (де)криминализации деяний, а во-вторых, разработанные в результате его проведения положения, предложения и выводы определяют новый альтернативный подход к концептуальным основам (де)криминализации, в том числе посредством применения теоретического моделирования. В диссертации предпринята попытка совместить традиции и новации в исследуемой области. Полученные результаты создают задел для изучения существующих и предлагаемых к установлению уголовно-правовых запретов.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью учета сделанных по его результатам

выводов, разработанных автором дефиниций и выработанных предложений и рекомендаций в процессе законопроектной и законотворческой деятельности, при проведении научных экспертиз законопроектов в специализированных научно-исследовательских институтах (учреждениях), в учебном процессе юридических факультетов (институтов, школ, департаментов) образовательных организаций при преподавании уголовного права, уголовной политики, криминологии и других дисциплин антикриминального цикла.

Степень достоверности и апробация результатов. Диссертация выполнена на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», где проводились ее обсуждение и экспертиза.

Достоверность результатов подтверждается использованием научно-обоснованных теоретических и эмпирических методов исследования, максимально широким охватом представленных в литературе позиций, динамическим анализом уголовного законодательства России, контент-анализом судебной практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также соответствием основных научно обоснованных выводов результатам социологического опроса.

Основные научные результаты диссертации нашли свое отражение в 12 научных трудах общим объемом 5,45 а.л., в том числе в четырех статьях в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций.

Основные положения работы представлены на девяти международных научно-практических конференциях: «Уголовная и уголовно-исполнительная политика государства в правовой системе общества» (г. Владимир, 2016), «Обеспечение прав и свобод личности в современном мире» (г. Москва, 2016), «Право, наука и образование: традиции и перспективы» (г. Саратов, 2016), «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (г. Москва, 2017), «Проблемы разработки криминологических основ уголовного права: исторический и современный аспекты» (г. Астана, 2017), «Актуальные

проблемы юридической науки и практики» (г. Гатчина, 2017), «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (г. Тольятти, 2017), «Уголовное право и уголовный закон: теория и практика» (г. Санкт-Петербург, 2017), «Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования» (г. Барановичи, 2017); восьми всероссийских научно-практических конференциях: «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (г. Саратов, 2016), «Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития» (г. Воронеж, 2016), «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых» (г. Москва, 2016 и 2017), «Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса» (г. Уфа, 2016), «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы» (г. Москва, 2016), «Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра» (г. Москва, 2016), «Новейшая уголовная политика: системные проблемы и пути их решения» (г. Москва, 2017).

Отдельные положения диссертации используются в деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ и внедрены в учебный процесс юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих восемь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, степень ее разработанности, определяются цели и задачи, объект и предмет, нормативная, теоретическая и эмпирическая база исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, обозначается их научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся данные о

степени достоверности и об апробации результатов исследования, раскрывается структура работы.

Глава I «Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний» состоит из четырех параграфов, посвященных рассмотрению составляющих концептуальных основ (де)криминализации.

В § 1.1 «*Содержание концептуальных основ и подходы к понятию (де)криминализации*» обосновывается, что концептуальные основы не равнозначны концепции, поскольку последняя охватывает практическую составляющую («дорожную карту»). *Концептуальные основы (де)криминализации деяний* – система связанных между собой и вытекающих одно из другого положений, определяющих понятие, виды и типы, основания и иные детерминанты, систему принципов и теоретическую модель (де)криминализации.

(Де)криминализация может рассматриваться как социолого-криминологическая и уголовно-политическая категория. *Социолого-криминологическая концепция* (де)криминализации развивается в ряде социальных наук. В последние годы эта концепция находит свое отражение в решениях КС РФ и ВС РФ, а также в фундаментальных криминологических исследованиях. (Де)криминализация в дискурсе *уголовно-политической концепции* рассматривается в литературе как выражение, компонента, метод, направление, одна из основ, составляющая, способ, средство, форма реализации уголовной политики, средство противодействия преступлениям.

Подходы к понятию (де)криминализации систематизированы и подвергнуты детальному анализу: *узкий* (объявление того или иного рода деяний в качестве преступления); *срединный* (признание деяния преступным и уголовно-наказуемым или установление уголовной ответственности за его совершение); *сближающий* (отнесение того или иного общественно опасного деяний в разряд преступных с установлением за него уголовной ответственности); *широкий* (включает декриминализацию, пенализацию и

депенализацию); *широчайший* (охватывает установление (устранение) оснований освобождения от уголовной ответственности, обстоятельств, исключающих преступность деяния, критериев малозначительности).

На примерах изменения ст. 7.27 КоАП РФ (мелкое хищение), а также налогового законодательства и законодательства в сфере взимания страховых взносов продемонстрировано, что границы преступного и не преступного могут изменяться не только посредством (де)криминализации, но и путем изменения регулятивного (позитивного) и охранительного неуголовно-правового законодательства. Соответственно, уголовно-политические методы (де)криминализации являются специальными по отношению к *общеправовому методу дифференциации правового регулирования и юридической ответственности*. На примерах законотворческой практики продемонстрировано, что введение (исключение) статьи или ее части, нормы УК РФ может быть результатом не только (де)криминализации, но *дифференциации ответственности* при установлении «норм аватаров» (ст. 159⁴ УК РФ) и конструировании специальных составов соучастия (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ), а также *(де)пенализации* (ст. 205³ УК РФ).

Результатом (де)криминализации является установление (устранение) уголовно-правового запрета. *Уголовно-правовой запрет* как основное уголовно-правовое предписание закрепляется исключительно в нормах УК РФ. Предлагается *заменить категорию «преступность» на «запрещенность под угрозой наказания»* в ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 10 УК РФ.

С учетом соотношения с иными методами уголовной политики и с изменением границ преступного и не преступного *(де)криминализация* определена как процесс и результат установления (устранения) уголовно-правового запрета. В результате проведенного исследования формулируются положения 1, 2.1 - 2.4, выносимые на защиту.

В § 1.2 «Виды и типы (де)криминализации: классификация и типология» раскрывается один из элементов концептуальных основ – виды и типы (де)криминализации деяний (за 20-летний период действия УК РФ).

Классификация (де)криминализации имеет важное значение как для доктрины уголовного права (позволяет систематизировать эти процессы, познать их сущность на более глубоком уровне, установить их общие закономерности и объективные свойства), так и для правотворческой деятельности (помогает ориентироваться в предложениях о совершенствовании УК РФ, осмыслить уголовно-политическое значение изменений уголовного закона).

(Де)криминализацию предложено классифицировать по восьми признакам. По *законодательному способу осуществления* выделены *общая* (при изменении норм Общей части УК РФ; например, при изменении возраста уголовной ответственности в ч. 2 ст. 20 УК РФ) и *специальная (де)криминализация* (при изменении норм Особенной части УК РФ). По *механизму осуществления* произведена классификация на *первичную* (введение уголовной ответственности за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины – ст. 191¹ УК РФ) и *вторичную криминализацию* (установление ответственности за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий – ст. 200² УК РФ), *полную* (исключение ст. 129, 182, 200, 298 УК РФ) и *частичную декриминализацию* (увеличение крупного размера (ущерба) в прим. к ст. 185 УК РФ с 1 до 1,5 млн. руб.). Кроме того, выделены классификационные группы по *доктринальному способу осуществления* (по признакам объекта, объективной стороны, субъективной стороны и субъекта), *стадии жизненного цикла уголовного закона* (кодификационная и межкодификационная), *вектору осуществления* (обратимая и необратимая), *характеру осуществления* (реститутивная и нереститутивная), *степени охвата уголовно-правовых запретов* (генеральная, групповая, частная), *уголовно-политическому значению* (чрезмерная, оптимальная, недостаточная).

Обосновывается, что (де)криминализация осуществляется исключительно при законодательной форме реализации уголовной политики.

Выделены *функциональные связи между отдельными видами (де)криминализации* по различным классификационным признакам. По механизму осуществления общая криминализация является вторичной, а общая декриминализация – частичной, в то время как специальная (де)криминализация может отражать любой вид. По степени охвата запретов специальная (де)криминализация – частная или групповая, а общая (де)криминализация может быть еще и генеральной. Вторичная криминализация и частичная декриминализация различаются по доктринальному способу осуществления, в то время как первичная криминализация и полная декриминализация по данному признаку не классифицируются. Если имеют место реститутивные криминализация или декриминализация, то предшествующие им декриминализация или криминализация являются обратимыми (см. классификационную карту (Рисунок 1).

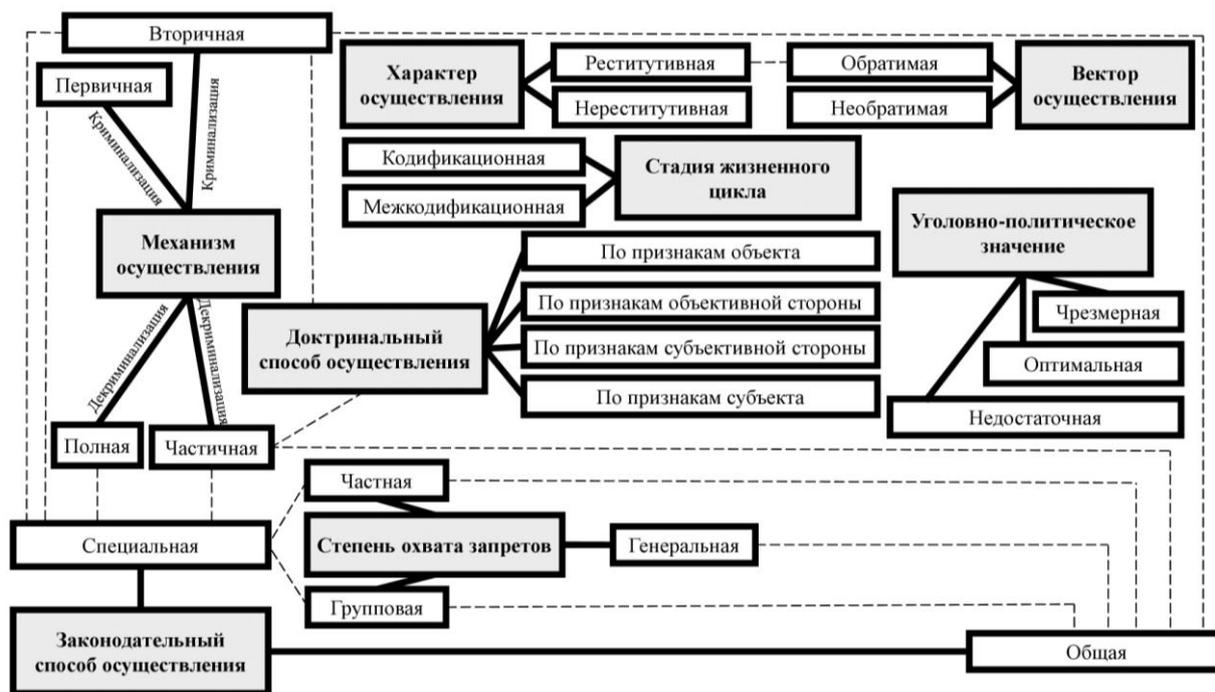

Рисунок 1. Классификационная карта (де)криминализации

В зависимости от *специфики законодательных приемов* выделено шесть типов (де)криминализации:

Дифференцирующая криминализация – тип криминализации, при котором криминообразующий признак, определяющий границы уголовно-правового запрета, становится квалифицирующим или особо квалифицирующим. Она является специальной и вторичной. Так, установление признака «сопряженные с извлечением дохода в крупном размере» (п. «б» ч. 2 ст. 171² УК РФ,) выделенного из числа криминообразующих в ч. 1 ст. 171² УК РФ, привело к тому, что незаконная организация и проведение азартных игр стали преступны безотносительно к размеру дохода.

Унифицирующая декриминализация – тип декриминализации, при котором квалифицирующий или особо квалифицирующий признак становится конститутивным, определяя границы уголовно-правового запрета. Она является специальной и частичной. Например, установление признака «в крупном размере» (ч. 1 ст. 165 УК РФ) привело к тому, что деяния, совершенные в меньшем размере, перестали считаться преступными.

Рекриминализация – тип (де)криминализации, при котором процессы криминализации и декриминализации сочетаются (имеет место криминализационно-декриминализационная направленность).

Смешанная (де)криминализация – тип (де)криминализации, предполагающий протекание процесса криминализации либо декриминализации по нескольким признакам. Смешанная (де)криминализация имеет либо криминализационную, либо декриминализационную направленность.

Преюдиционная (де)криминализация – тип (де)криминализации, при котором устанавливается (устраняется) уголовно-правовой запрет на основе того, что лицо ранее привлекалось к административной (уголовной) ответственности. Криминализация данного типа находит свое отражение в ст. 151¹, 212¹, 215⁴, ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, а декриминализация – в

ст. 116¹ УК РФ. Сочетание административной и уголовной преюдиционной криминализации отражено в ст. 264¹ УК РФ.

Примечательная (де)криминализация – тип (де)криминализации, осуществляемой посредством изменения примечаний к статьям Особенной части УК РФ. Так, изменение примечания к ст. 169 и введение прим. к ст. 170² УК РФ с повышением нижнего порога «крупности» с 1,5 до 2,25 млн. руб. демонстрирует *количественный подтип примечательной декриминализации* (ч. 1 ст. 170², ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 171¹, ч. 1 ст. 172, ч. 1 ст. 172², ч. 1 и 2 ст. 176, ст. 177, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 192, ч. 1 - 3 ст. 195, ст. 196, ст. 197, ст. 199² УК РФ). Пример *качественного подтипа* – изменение п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ («государственные компании, государственные и муниципальные унитарные предприятия, акционерные общества, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям»).

В результате проведенного исследования формулируются положения 3.1 и 3.2, выносимые на защиту.

В § 1.3 «*Основания (де)криминализации и иные детерминанты*» внимание сконцентрировано на исследовании детерминационного комплекса процессов (де)криминализации. *Детерминанты (де)криминализации* включают в себя основание, поводы и факторы (причины и условия). При этом факторы отражают социальную обусловленность процессов (де)криминализации, в то время как основание – социальную обоснованность, а поводы – социальную готовность (решительность).

Систематизированы сложившиеся в литературе подходы к основаниям (де)криминализации в следующие три группы: *плюралистическая парадигма* (отождествление оснований и причин (де)криминализации); *монистическая парадигма*, включающая *оценочное* (переоценка общественной опасности), *фактическое* (общественная опасность) и *радикальное крыло* (девиантность, справедливость, наличие существенной связи с общественно опасным

деянием); *субъективистская парадигма* (смешанная и волюнтаристская). Предложены авторские определения оснований криминализации и декриминализации (положение 4.2, выносимое на защиту).

(Де)криминализационный повод – релевантный юридический факт в виде действия соответствующего субъекта уголовно-политической деятельности, возбуждающий процесс установления (устранения) уголовно-правового запрета. В (де)криминализационном поводе находят отражение конструктивистские и интеракционистские подходы к процессам (де)криминализации.

Причины (де)криминализации – явления общественной жизни, служащие внешними предпосылками для установления (устранения) уголовно-правового запрета. Указанные явления находятся с результатом (де)криминализации в генетической связи, но воздействуют на процесс не непосредственно, а опосредовано через (де)криминализационный повод.

Условия (де)криминализации – явления общественной жизни, служащие внутренними предпосылками, способствующими протеканию соответствующих процессов. В отличие от причин, которые находятся вовне и отражают внешнюю потребность в установлении уголовно-правового запрета, связаны с (де)криминализацией генетической связью, условия лишь способствуют протеканию процесса уже после его инициирования. Такими условиями могут быть получившее резонанс совершение деяния, в отношении которого уже обсуждается вопрос о (де)криминализации, лоббирование определенных законодательных инициатив и другие обстоятельства.

Детерминантный комплекс может быть представлен схематично, что отражено на Рисунке 2.

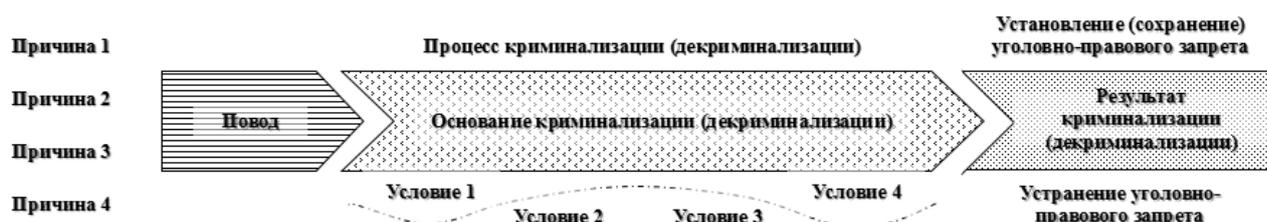

Рисунок 2. Детерминантный комплекс процесса (де)криминализации

Вопрос о том, какие социальные факты обусловили идею (де)криминализации (причины), кто был инициатором (де)криминализации (повод), как в сущности и насколько длительно протекала борьба политических сил (условия), могут представлять интерес лишь как исходные эмпирические данные, но они не предрешают вопросов об установлении (устранении) уголовно-правового запрета. Обосновывается, что причины и условия (де)криминализации деяний не входят в предмет криминологии.

В результате проведенного исследования формулируются положения 4.1 и 4.2, выносимые на защиту.

В § 1.4 «*Принципы и модели (де)криминализации*» раскрываются сложившиеся в литературе *классификационные* и *внеклассификационные* подходы к принципам (де)криминализации. Отмечается, что их неупорядоченная система не позволяет последовательно оценивать необходимость и достаточность уголовно-правового запрета. Выработка строгой стадийности (модели) и ее последующий учет в законотворческой деятельности будет способствовать установлению обоснованных уголовно-правовых запретов, противодействовать неосновательному расширению сферы уголовно-правового воздействия и протеканию «чрезмерной» криминализации.

Теоретическое моделирование (де)криминализации деяний – метод познания (де)криминализации деяний, основанный на их изучении путем построения соответствующей модели. Подходы к моделированию процессов криминализации проиллюстрированы моделями, разработанными Ю.И. Бытко, И.М. Гальпериным, А.И. Коробеевым, В.Н. Кудрявцевым, П.А. Фефеловым, А.М. Яковлевым и др. Предлагается *теоретическая модель криминализации*, которая содержит два этапа: этап определения необходимости в уголовно-правовом запрете (дейнджеризация деяния) и этап определения его достаточности (адекватизация запрета). Декриминализация протекает в той же последовательности, но положительное решение получается не при последовательном удовлетворении заданных критериев,

а при отрицательном ответе на одном из этапов. Разработанная модель – элемент концептуальных основ. Теоретическое моделирование как процесс является методом познания, что и обуславливает его обособление в наименовании работы и самостоятельное значение в ее структуре.

Модель позволяет упорядочить принципы (де)криминализации: на этапе дейнджеризации деяния следует обеспечить реализацию принципа криминального уровня общественной опасности деяния, а на этапе адекватизации запрета – принципов осуществимости уголовно-правового воздействия, процедурной и процессуальной осуществимости, соразмерности последствий криминализации и альтернативных средств регулирования и охраны. В результате сформулированы положения 5.1 - 5.3, выносимые на защиту.

Глава II «Теоретическое моделирование криминализации и декриминализации» содержит четыре параграфа, в которых осуществляется теоретическое моделирование дейнджеризации деяния и адекватизации запрета для установления необходимого и достаточного основания (де)криминализации деяния. Данная глава отражает методологическую составляющую концептуальных основ (де)криминализации.

В **§ 2.1 «Необходимое основание криминализации и исследовательские границы дейнджеризации деяния»** общественная опасность деяния раскрывается как необходимое основание (де)криминализации, вводится в оборот понятие дейнджеризации и обозначаются его исследовательские границы.

Дейнджеризация деяния – процесс и результат признания его общественной опасности. Определены следующие исследовательские границы дейнджеризации деяния:

- 1) (де)криминализация не рассматривается автором с точки зрения желания или нежелания законодателя (интеракционистский подход);
- 2) отграничивает преступление от иных правонарушений уровень общественной опасности (количественный подход – А.И. Коробеев,

Н.А. Лопашенко, В.Д. Филимонов и др.), а не сама общественная опасность *per se* (качественный подход – Л.Л. Кругликов, П.Н. Панченко и др.). В подтверждение своей позиции автор приводит практику КС РФ, а также результаты проведенного опроса (72 % респондентов);

3) установление общественной опасности деяния не является проблемой докриминализационного характера (Р.Р. Галиакбаров, Н.В. Радошнова и др.), результатом криминализации (А.Э. Жалинский). Общественная опасность деяния определяется в процессе его (де)криминализации;

4) общественная опасность деяния есть необходимое, но не достаточное основание для установления соответствующего запрета;

5) основной критерий общественной опасности деяния – его вредоносность. Автор рассматривает представленные в иностранной литературе принципы вреда, аморальности, оскорбительности и патернализма. В отечественной доктрине используют аналогичный принципу вреда термин «вредоносность», а общественная опасность определяется тем ущербом, вредом, который деяние причиняет или может причинить общественным отношениям. Обращается внимание, что этот подход был воспринят в науке без соответствующего критического анализа. Проводится анализ категории «общественно опасный» в тексте уголовного закона и выделяются ее аспекты: (де)криминализационный, (де)пенализационный, индивидуализационный, дифференциационный и текстуальный. Обосновывается, что подходы, принимающие во внимание вину (П.А. Фефелов) и другие конститутивные признаки состава преступления, личность преступника (В.А. Номоконов) и иные неучтенные в нем обстоятельства (И.А. Солодков) имеют право на существование, но их место лежит вне плоскости (де)криминализации. Предлагается рассматривать общественную опасность не только на законодательном и правоприменительном уровнях, но и с учетом методов уголовной политики;

б) дополнительный критерий общественной опасности деяния – его распространенность. Данная позиция подтверждается практикой КС РФ и проведенным опросом (59 % респондентов).

В процессе (де)криминализации требуется ответить на вопрос, есть ли в ней необходимость? Это предполагает кумулятивное определение того: а) является ли деяние вредным для общественных отношений? б) насколько оно распространено? То, что деяние причиняет (может причинить) вред ценным для общества отношениям, образует его *вредоносность*, а то, что оно носит не единичный, не случайный характер – его *распространенность*. Учет названных критериев позволяет решить вопрос о том, имеется ли необходимое основание (де)криминализации деяния.

В § 2.2 «*Теоретическое моделирование дейнджеризации деяния*» предлагается кумулятивная модель первого этапа (де)криминализации деяния. Для определения вредоносности деяния учитываются объект посягательства, социальные последствия деяния и поведенческие связи между деянием и такими последствиями. Социальные последствия деяния не сводимы к социальным последствиям преступности и к преступному вреду как криминообразующему признаку состава преступления.

Дейнджеризация деяния включает *шесть стадий*: формулирование заданного типа поведения; формулирование многообразных поведенческих связей с указанием на возможный вред от практики заданного типа поведения; определение общественных отношений, которым может быть причинен вред практикой заданного типа поведения; анализ механизмов развития поведенческой связи в направлении причинения вреда соответствующим общественным отношениям; определение распространенности заданного типа поведения; определение уровня общественной опасности деяния. Кумулятивная модель уровня общественной опасности представлена на Рисунке 3. Показываются сочетания различных уровней вредоносности и распространенности, раскрывается содержание принципа криминального уровня общественной опасности деяния.

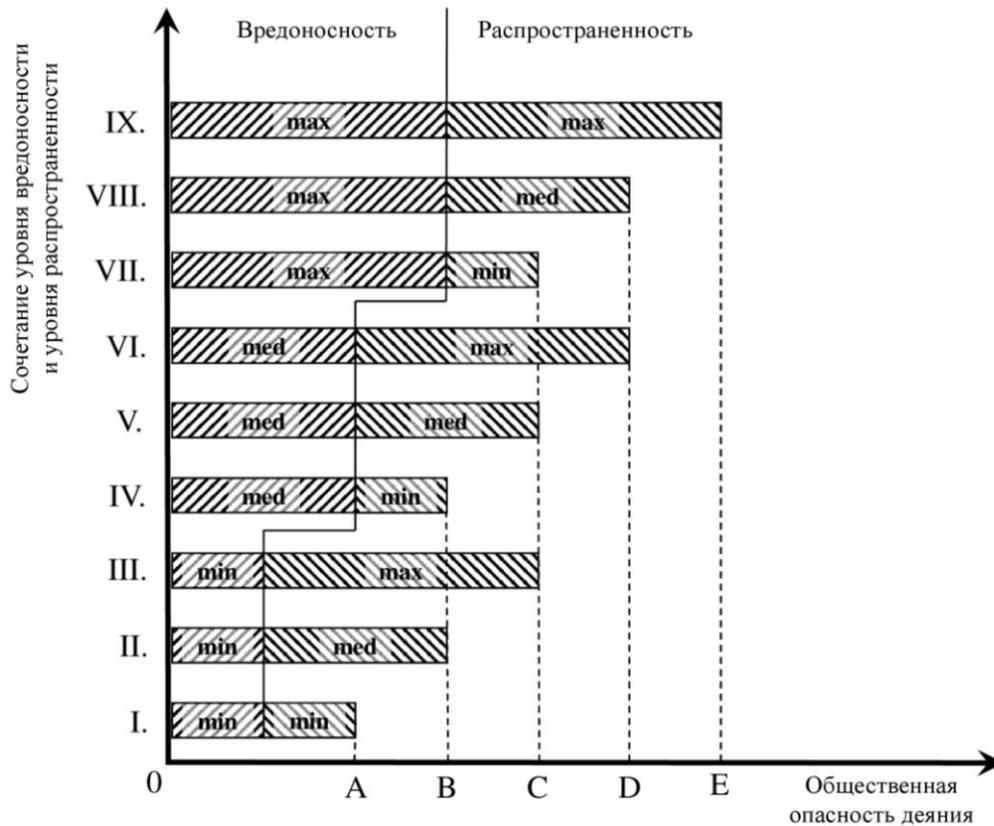

Рисунок 3. Кумулятивная модель уровня общественной опасности

В результате проведенного в параграфах 2.1 и 2.2 исследования и моделирования формулируются положения 6.1 - 6.2, выносимые на защиту.

В § 2.3 *«Достаточное основание криминализации и адекватность уголовно-правового запрета: общая характеристика и инструментальная способность уголовного права и средств уголовной юстиции»* вводится понятие адекватизации запрета, обозначаются три ее стадии и рассматривается стадия определения инструментальной способности уголовного права и системы уголовной юстиции.

Адекватизация запрета – процесс и результат признания уголовно-правового запрета в отношении признанного общественно опасным (дейнджеризированного) деяния адекватным существующей системе общественных отношений. Признак «существующий» предполагает, что этот процесс связан пространственными и темпоральными границами. Запрет должен быть адекватным в том смысле, что подтверждена инструментальная способность уголовного права и системы уголовной юстиции

противодействовать заданному типу поведения, а инструментальная способность альтернативных средств является более затратной либо и вовсе не подтверждена.

Адекватизация запрета охватывает *три стадии*: определение инструментальной способности уголовного права и системы уголовной юстиции противодействовать причинению вреда посредством запрещения заданного типа поведения; проверка инструментальной способности альтернативных средств предотвращать вред; оценка социальной затратности уголовно-правовых и альтернативных средств. Установление уголовно-правового запрета будет адекватным, а криминализация будет иметь достаточное основание тогда и только тогда, когда подтверждена инструментальная способность уголовного права противодействовать дейнджеризированному деянию, а потенциально возможные альтернативные средства предупреждения вреда несут более значимые издержки, чем криминализация.

Исследование предполагаемого запрета на предмет инструментальной способности уголовного права требует анализа его правоограничительной, правоограничительно-запугивающей и правоограничительно-устрашающей способности. Принцип осуществимости уголовно-правового воздействия соблюдается, если уголовно-правовые средства могут предупредить заданный тип поведения путем установления соответствующих правоограничений.

Система уголовной юстиции сможет обеспечить противодействие заданному типу поведения тогда, когда используемые ею средства позволяют идентифицировать заданный тип поведения; определить, задержать и (или) подвергнуть иным мерам процессуального принуждения практиковавшее его лицо; собрать, проверить и оценить доказательства; расследовать и рассмотреть дело в отношении каждого, практиковавшего заданный тип поведения; и наконец, исполнить наказание и иные меры уголовно-правового характера. Подтверждение способности системы уголовной юстиции

свидетельствует о соблюдении принципа процедурной и процессуальной осуществимости.

В § 2.4 «*Альтернативные средства и анализ затрат в процессе (де)криминализации*» раскрывается избранный автором подход к учету альтернативных средств регулирования и охраны общественных отношений. Необходимость проверки альтернатив уголовно-правовому запрету обусловлена представлением об уголовном праве как о последнем средстве.

Представленные в литературе подходы к пониманию уголовного права как последнего средства обобщены в три группы: «*жесткий*» (наличие альтернативы уголовно-правовому запрету требует отказа от криминализации или осуществления декриминализации – А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.А. Лопашенко и др.), «*смягченный*» (наличие *более эффективной* альтернативы уголовно-правовому запрету требует отказа от криминализации или осуществления декриминализации – А.Д. Антонов, Ю.И. Бытко и др.) и «*мягкий*» (наличие альтернативы не свидетельствует о необходимости отказа от криминализации или осуществления декриминализации – Н. Ярибори). С учетом правовых позиций КС РФ обоснована необходимость использования «*мягкого*» подхода. Показано, что альтернативные средства имеют три варианта вмешательства: *охранительный* (за счет установления административно-правовых, гражданско-правовых и дисциплинарных запретов), *регулятивный* (за счет изменений позитивного законодательства, приводящих к разрушению необходимых предпосылок или снижению позитивных мотивов заданного типа поведения), *контрольный* (за счет создания различных контрольных механизмов, приводящих к разрыву поведенческих связей).

Затраты в процессе криминализации могут оцениваться с точки зрения *узкого* (сопоставляются вредоносность деяния и социальные издержки криминализации – А.Д. Антонов, Г.А. Злобин и др.), *расширенного* (учитываются не только общие социальные издержки криминализации, но и частные издержки системы уголовной юстиции – А.Э. Жалинский,

А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев и др.) и *широкого подхода* (составляются баланс криминализации, баланс альтернатив и совокупный баланс – А. Хардуф). Альтернативный взгляд на эту проблему состоит в том, чтобы сопоставлять социальные издержки уголовно-правового запрета и его альтернатив (принцип соразмерности криминализации и альтернативных средств регулирования и охраны).

При определении адекватности уголовно-правового запрета в отношении признанного общественно опасным (дейнджеризированного) деяния может быть принято решение: а) осуществить криминализацию и перейти к процессу пенализации; б) установить иной неуголовно-правовой запрет; в) изменить позитивное законодательство.

В результате проведенного в параграфах 2.3 и 2.4 исследования и моделирования формулируются положения 7.1 - 7.5, выносимые на защиту.

В **заключении** нашли свое отражение результаты осуществленного диссертационного исследования, сформулированы положения, предложения и выводы, которые свидетельствуют о достижении автором цели разработать концептуальные основы (де)криминализации деяний.

В **приложениях** представлены результаты контент-анализа практики КС РФ и ВС РФ; обобщение применяемых уголовно-политических методов при введении (исключении) новых статей в уголовный закон; форма анкеты и результаты обработки и визуализации социологического опроса.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

– *статьи в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций:*

1. *Нечаев, А.Д.* Признание общественной опасности (дейнджеризация) деяния как первый этап процесса криминализации [Текст] / А.Д. Нечаев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5 (28). – С. 21 – 29 (0,6 а.л.).

2. *Нечаев, А.Д.* Адекватизация уголовно-правового запрета как второй этап криминализации: инструментальная способность уголовного права и

системы уголовной юстиции [Текст] / А.Д. Нечаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 5. – С. 160 – 164 (0,7 а.л.).

3. *Нечаев, А.Д.* Типология (де)криминализации (обзор отечественного законодательства) [Текст] / А.Д. Нечаев // Российская юстиция. – 2017. – № 2. – С. 59 – 62 (0,5 а.л.).

4. *Нечаев, А.Д.* К вопросу о понятии криминализации и декриминализации: уголовно-политическая концепция [Текст] / А.Д. Нечаев // Государство и право. – 2017. – № 4. – С. 41 – 47 (0,5 а.л.).

– статьи в сборниках материалов всероссийских и международных конференций

5. *Нечаев, А.Д.* Качественный и количественный подходы к осмыслению общественной опасности: переосмысление в контексте первого этапа криминализации деяния [Текст] / А.Д. Нечаев // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. матер. VIII науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Москва, 3 июня 2016 г.). – М.: Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2016. – С. 178 – 183 (0,3 а.л.).

6. *Нечаев, А.Д.* Распространенность как критерий общественной опасности: дискурс дейнджеризации деяния [Текст] / А.Д. Нечаев // Территория науки. – 2016. – № 4. – С. 181 – 184 (0,3 а.л.).

7. *Нечаев, А.Д.* Криминализация (декриминализация) в теории уголовно-правовых запретов [Текст] / А.Д. Нечаев // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIV междунар. науч.-практ. конф. (26 – 27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 48 – 51 (0,2 а.л.).

8. *Нечаев, А.Д.* Инструментальная способность средств уголовной юстиции: криминализационный аспект [Текст] / А.Д. Нечаев // Актуальные вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф с междунар. участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31 октября 2016 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 56 – 62 (0,5 а.л.).

9. *Нечаев, А.Д.* Модели криминализации в решении вопроса о пределах уголовно-правового воздействия [Текст] / А.Д. Нечаев // Уголовно-правовое

воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. I всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 31 марта – 1 апреля 2016 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2016. – С. 71 – 77 (0,35 а.л.).

10. *Нечаев, А.Д.* К вопросу о каре как инструментальном способе уголовно-правового воздействия: криминализационный аспект [Текст] / А.Д. Нечаев // Право, наука и образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратов. гос. юрид. акад. (в рамках VII Саратовских правовых чтений, г. Саратов, 29 – 30 сентября 2016 г.). – Саратов: Саратов. гос. юрид. акад, 2016. – С. 235 – 237 (0,25 а.л.).

11. *Нечаев, А.Д.* Теоретическое моделирование процессов (де)криминализации в свете научного наследия академика В.Н. Кудрявцева [Текст] / А.Д. Нечаев // Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. IX Кудрявцевских чтений (г. Москва, 14 декабря 2016 г.). – М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 2017. – С. 135 – 149 (0,75 а.л.).

– статьи в иных научных изданиях:

12. *Нечаев, А.Д.* Исследовательские границы дейнджеризации как первого этапа криминализации: вредоносность и распространенность [Текст] / А.Д. Нечаев // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2016. – № 2 (2). – С. 120 – 124 (0,5 а.л.).

Подписано в печать 30.06.2017 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 300 экз. Заказ 28.

УОП РИЛ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1.